

Р. Г. СААКЯН

ФРАНЦИЯ И ТУРЦИЯ В ЛОЗАННЕ*(к дипломатической истории)*

О Лозаннской конференции 1922—1923 гг. существует обширная литература на русском, турецком и западноевропейских языках. Давно стали достоянием гласности и итоги этой конференции, отразившиеся в Лозаннском мирном договоре от 24 июля 1923 г. и ряде двусторонних договоров, соглашений, протоколов и других дипломатических документов, подписанных в те же дни. Советскими историками и востоковедами в целом проанализирован ход и течение этой конференции, борьба, которая велась вокруг нее и на самой конференции. Специально не исследовалась, однако, политика главных творцов «Лозаннского мира», в частности, такой державы, как Франция. Этот пробел возможно объясняется крайней ограниченностью дипломатических документов, доступных исследователям. Лишь отдельным историкам, и то в последние годы, удалось «проникнуть» в турецкие и британские архивы и извлечь некоторые любопытные материалы¹. При отсутствии публикаций из французских и турецких архивов, ценным источником могут служить английские официальные документы, вышедшие в свет лишь в 70-е годы². Эти документальные материалы и были использованы автором для изучения франко-турецких дипломатических отношений накануне и в ходе Лозаннской конференции.

9 сентября 1922 г. турецкие войска вошли в Измир, после чего для главных держав Антанты—Англии, Франции, Италии—стало очевидным поражение греков. Франция, раньше других предугадавшая исход греко-турецкой войны, преследуя свои особые интересы в Турции, тайно и явно стала поддерживать турок. Используя религиозный фактор, как средство запугивания своей ближневосточной соперницы—Англии, французская дипломатия призывала последнюю оказать нажим на Грецию с целью достижения компромиссного соглашения и скорейшего подписания до-

говора. Так, во время встречи министров иностранных дел трех стран в Кэ д'Орсэ 22 марта 1922 г. Пуанкаре указывал на «большие затруднения», которые могли бы возникнуть: «Было бы настоящей катастрофой для каждой из трех держав с такими обширными мусульманскими интересами, если бы им не удалось привести турок к заключению мира»³.

Вместе с тем Франция пыталась разыграть и антисоветскую карту. Выступив вторично на упомянутой встрече, Пуанкаре «напомнил», что «при всех случаях, в наших общих интересах сохранить спокойствие и порядок во всем исламском мире, который большевики пытаются растревожить»⁴. В то же время французы стремились оказать помощь анкарскому правительству путем тайной передачи ему военного снаряжения. В связи с такой «недружелюбной» акцией своей союзницы, Керзон послал Гардингу копию телеграммы британского верховного комиссара в Багдаде государственному секретарю по делам колоний, в которой, в частности, говорилось: «Такая акция была бы не только прямым нарушением политики нейтралитета главных союзников по отношению к греко-кемалистскому конфликту, но она была бы также несовместима с видимостью союзнического сотрудничества и взаимопонимания между Францией и Великобританией на Ближнем Востоке»⁵.

Пуанкаре начисто отверг эти слухи, заявив, что они «абсолютно необоснованны». Более того, он указал английскому послу, что подобный шаг «был бы самоубийственным для их же собственных интересов, так как очевидно, что любое оружие, использованное против англичан в Месопотамии, может быть в конце концов использовано против самих французов в Сирии»⁶.

После взятия Измира, 20 сентября было созвано совещание в Кэ д'Орсэ между председателем совета министров Пуанкаре и британским государственным секретарем по иностранным делам Керзоном, на котором присутствовали также Лярош и Массигли (Франция), Гардинг и Форбс Адам (Великобритания)⁷. Пуанкаре зачитал телеграмму, полученную от генерала Пелле из Смирны, в которой последний сообщал о своей беседе с Кемалем. Пелле «побуждал Кемалю не злоупотреблять своей победой (над греками.—Р. С.) и показать Европе, что турецкое государство, во главе которого он находится, является современным цивилизованным организмом». А Мустафа Кемаль, уверяя Францию в своей дружбе и своем желании избежать конфликта с союзниками (т. е. с державами Антанты.—Р. С.), в то же время заявил, что он «сейчас не может удерживать свои войска от оккупации всех территорий, охваченных в Национальном обете»⁸. Исходя из этого, Пуанкаре внушал необходимость скорейшего созыва мирной конференции. Он не забыл еще раз напомнить о том, что «Франция—мусульман-

ская держава и не может пренебречь той серьезной обстановкой, которая создалась во всех ее мусульманских колониях». При этом Пуанкаре сослался на телеграмму из Туниса, в которой сообщалось, что в связи с победой турок М. Кемалю было направлено множество поздравительных телеграмм⁹.

В эти же дни чрезвычайно активно деятельность развернул подписавший Анкарский договор 1921 г. Анри Франклен-Буйон, который из Парижа отправил телеграмму М. Кемалю, советуя ему ничего не предпринимать до его приезда в Измир¹⁰. В то же время французское правительство заверяло, что Франклен-Буйон не уполномочен предлагать какие-либо дополнительные условия¹¹.

О содержании бесед Франклен-Буйона с Кемалем мы узнаем из донесения, в котором Рембольд, ссылаясь на генерала Гаррингтона, сообщал Керзону, что «он (Франклен-Буйон.—Р. Г.) представил позицию союзных правительств с такой стороны, что поощрил националистов с их претензиями». А еще до этого Рембольд отмечал: «Из одного хорошо информированного источника я узнал, что он (Франклен-Буйон.—Р. С.) обязался, что Франция окажет на конференции поддержку в деле полной реализации Национального пакта, включая полную отмену капитуляций, которые задевают здесь французские интересы, принимая во внимание большие суммы вложенного капитала, точно так же, как и британские»¹². И не случайно, что во время переговоров в Мудании, которые начались 3 октября 1922 г., турецкие представители, «втайне поддерживаемые французами»¹³, заняли очень твердую и неуступчивую позицию и отвергли крайние требования английских делегатов.

Новую активность проявила французская дипломатия и после подписания 11 октября Муданийского перемирия. Не случайно, что турки приняли приглашение направить своих представителей на мирную конференцию «после того, как Франклен-Буйон заверил их, что мирные переговоры начнутся немедленно»¹⁴. Французские дипломаты продолжали поддерживать свои особые, «внесоюзнические» контакты с турецкими коллегами. Франклен-Буйон даже обещал туркам, что именно он будет представлять Францию на предстоящей конференции. Узнав об этом, и хорошо зная о явных туркофильских настроениях Франклен-Буйона, Керзон сделал все возможное, чтобы последний не поехал в Лозанну¹⁵.

Вместе с тем до открытия конференции Франция демонстрировала свою солидарность и единство с ближайшей союзницей—Англией. «Абсолютно важно,—говорил Пуанкаре,—чтобы правительство Его Величества и французское правительство сохранили единый фронт во всех вопросах перед лицом невыносимых требований турок»¹⁶. В то же время Пуанкаре торопил англичан с открытием конференции, предупреждая, что «всякая отсрочка может вызвать катастрофу»¹⁷.

Профессор Сониел признает, что турки знали, что они «могут полагаться на помощь России и мусульманских стран на Востоке и на помощь Франции, а возможно и Италии—на Западе»¹⁸.

После достижения договоренности о созыве конференции в Лозанне, Пуанкаре пригласил в Париж в качестве своего гостя Исмета, находившегося перед отъездом в Лозанну в Стамбуле, с целью прощупать настроения и намерения турок, однако он своего не добился. Правда, Исмет принял это приглашение и прибыл в Париж 13 ноября 1922 г., но в беседах с ним Пуанкаре не удалось узнать ничего нового. «Оба они стремились определить силу друг друга, подобно двум борцам перед выходом на ковер»¹⁹. Тогда Пуанкаре попытался выяснить турецкую позицию через Франклен-Буйона, но Исмет «ничего не разгласил»²⁰.

В день открытия Лозаннской конференции, 20 ноября 1922 г., Керзон сообщал Кроуву, что французы и турки остановились в одной и той же гостинице, и что «контакт между ними постоянный и тесный»²¹.

Первая деловая встреча делегаций состоялась 21 ноября. Были созданы три основные комиссии: по территориальным и военным вопросам—председатель лорд Керзон; режиму иностранцев и меньшинств в Турции—председатель маркиз Гаррони; финансовым и экономическим вопросам—председатель Камилл Баррер²².

Территориально-военная комиссия начала свою работу с обсуждения вопроса о границах Турции в Европе. Дискуссии по этому вопросу начались на заседании 23 ноября. Турецкая делегация потребовала восстановления довоенной границы Турции в Европе (во Фракии) от Черного моря до долины реки Марицы, а также проведения плебисцита в Западной Фракии. Франция вместе с Италией поддержала позицию Керзона, который наотрез отказался от проведения плебисцита в Западной Фракии, считая, что у турок нет никаких прав на этот район²³.

Упомянутая комиссия перешла затем к обсуждению вопроса о Мосуле, который непосредственно интересовал лишь две страны—Англию и Турцию. По этому вопросу Исмет еще 26 ноября имел частную беседу с Керзоном, сообщив ему о том, что он намерен потребовать возвращения Мосула Турции²⁴. На первых встречах турки и слышать не хотели о другом варианте решения Мосульского вопроса. Исмет заявил Керзону, что «он никак не может вернуться обратно в Ангору без Мосула»²⁵. Из опубликованных новых документов Форин-оффиса стало известно, что Турция готова была «даже порвать с Советами», если бы Англия согласилась на передачу ей Мосульского вилайета²⁶.

Основной же заботой Керзона было окончательное решение вопроса о Мосуле, т. е. безоговорочное сохранение Мосула в составе подмандатного Ирака. Турки прилагали максимальные уси-

лия для урегулирования конфликта в свою пользу. Когда в январе 1923 г. переговоры по этому вопросу зашли в тупик, Анкара попыталась сблизиться с французским правительством для получения поддержки, но безуспешно²⁷. «Франция и Италия,—писал Г. В. Черин,—отошли в сторону и предоставили Англии одной торговаться в этом вопросе»²⁸.

И все же французская дипломатия, несмотря на свои вынужденные тактические уступки Англии, вызванные осложнениями в Руре и необходимостью получения английской поддержки, в целом продолжала линию поиска договоренности с турками, исходя из своих интересов в Турции. 4 января Керзон сообщал Кроуву, что, по-видимому, Франция получила определенные заверения в признании и сохранении за ней довоенных концессий²⁹. А 1 февраля Керзон с возмущением писал Линдсею о том, что Пуанкаре, не поставив в известность ни английское правительство, ни делегации союзных держав, направил 30 января М. Кемалю телеграмму, в которой давал знать, что Франция намерена вести отдельные переговоры с Турцией в случае, если союзники будут неспособны подписать всеобщий мир³⁰. Далее говорилось, что своей позицией Франция ободряет турок и оказывает им потенциальную поддержку³¹.

По предложению Керзона британское правительство направило Франции 3 февраля ноту протеста, в которой, в частности, говорилось: «Правительство Его Величества не находит возможным обойти молчанием акцию французского правительства, которую оно рассматривает не иначе, как шаг, подрывающий совместные усилия союзников и подвергающий опасности перспективы мира, выработанные в течение прошедших месяцев в Лозанне»³². «Ответственность за подобную катастрофу и ее неизбежные последствия для отношений между Францией и Великобританией полностью будет ложиться на французское правительство»,—говорилось далее³³. Однако эта угроза Керзона не имела должного воздействия на Францию, которая добивалась соглашения любой ценой. Французский дипломат Жорж Бонне, долгие годы проработавший вместе с Пуанкаре, также указывает на отдельные шаги и советы, которые последний давал туркам. Когда Керзон представил Исмету условия мира и потребовал в течение 4 дней сообщить о своем согласии подписать договор, Пуанкаре дал понять ему, что «мирный договор—это не ультиматум, и что у него полная возможность не соглашаться с этим»³⁴. Тогда Керзон напомнил Пуанкаре, что еще 5 сентября 1914 г. союзники взяли на себя обязательство не заключать сепаратного мира, на что последний ответил, что эта договоренность была в силе только в период войны, и что Франция вольна действовать так, как ей заблагорассудит-ся³⁵.

И все же Франция, будучи сильно зависимой от Англии в европейских делах, не могла идти наперекор акциям своей бывшей союзницы, особенно в тех вопросах, которые имели антисоветский аспект. Так, при обсуждении вопроса о проливах, представляющего жизненный интерес для советских республик (России, Украины, Грузии), французский делегат Баррер поддержал английскую позицию, которая заключалась в требовании полной свободы прохода через проливы военных кораблей, а также вооруженных судов и военной авиации, в ущерб безопасности черноморских государств.

В то же время, добиваясь соглашения с турками любой ценой, французы предлагали Керзону направить в Анкару генерала Пелле «для консультаций»³⁶. Они внушали Керзону, что так как турки не подписывают договор, то союзники должны предложить им другой, более приемлемый проект³⁷.

Протурецкая линия поведения французских дипломатов проявилась и в вопросе национальных меньшинств, который обсуждался на ряде заседаний территориально-военной комиссии в течение декабря 1922—января 1923 г. Следует отметить, что к этому времени французское общественное мнение высказало свое отношение к так называемому армянскому национальному очагу, на уровень которого был низведен вопрос о судьбах Западной Армении и сотен тысяч беженцев, рассеянных по всему миру в результате политики геноцида. По инициативе известного ученого, профессора Коллеж де Франс Антуана Мейе 8 декабря в адрес Лозаннской конференции было направлено воззвание, которое приводим полностью: «Ужасающее положение, в котором в настоящее время находится армянское население Турции, является позором для цивилизованного мира.

Со времени Берлинского конгресса, на котором турецкое правительство обещало ввести реформы в дело управления армянскими провинциями Империи и где шесть европейских держав обязались проследить за их выполнением, это несчастное население, кроме рези, ничего не получило.

В период войны союзники торжественно заявили, что освобождение Турецкой Армении является одной из целей борьбы, которую они вели. Статья 22 пакта Лиги наций и решения, принятые союзными правительствами после победы, закрепили это обещание; Лига наций своими многочисленными резолюциями, принятыми единогласно, подтвердила необходимость сохранения будущего армянской нации путем создания национального очага, который был ей обещан. Эти обещания, однако, еще не выполнены, и армянский народ испытал бедствия гораздо более тяжкие, чем те, которые обрушились на него перед войной. В результате преданности

делу союзников в течение восьми лет погибло более одного миллиона двухсот тысяч армян, став жертвой избиений, депортаций, эпидемий и голода. Оставшиеся в живых вынуждены были покинуть родную землю и бежать в разные страны; более 600 тысяч несчастных находится без крыши над головой, под тентами, в барачных лагерях, лишённые поддержки в результате того, что все трудоспособные мужчины были задержаны и сосланы вглубь страны. Гуманность и справедливость, честь союзников и интересы самих турок требуют положить конец этим мукам Армении и создать безотлагательно национальный очаг с тем, чтобы толпы беженцев смогли там собраться и жить в безопасности.

Интеллектуальная элита Франции всегда поддерживала дело этого древнего, трудолюбивого и миролюбивого народа, друга литературы и искусств, народа, который на протяжении веков оказал так много услуг цивилизации. Поэтому одной из главных задач Лозаннской конференции должно быть принятие необходимых мер для обеспечения его существования и для сохранения его национальной культуры. Мы твердо надеемся, что представители Франции и других стран, принимающих участие в конференции, дадут этому вопросу столь высокой моральной значимости то справедливое решение, которого требует совесть человечества. Париж, 8 декабря 1922 г.»³⁸.

Под этим воззванием поставили свои подписи 75 представителей французской общественности во главе с Анатолем Франсом, в том числе 16 академиков, 15 сенаторов и членов Палаты депутатов Франции, редакторы ряда газет и журналов, известные писатели—члены Гонкуровской академии и др.³⁹

12 декабря состоялось заседание упомянутой выше комиссии, посвященное правам национальных меньшинств. Открывая заседание, Керзон напомнил о принципиальном согласии Турции на гарантию прав национальных меньшинств и, указав на заинтересованность союзных держав в их судьбе, призвал турецкую делегацию «серьезно обдумать проблему меньшинств»⁴⁰. Перейдя затем к армянам, он отметил, что «армянское население Карса, Ардагана, Вана, Битлиса и Эрзерума фактически исчезло» и «остается лишь около 130.000 армян в Турецкой Армении, из населения, ранее насчитывавшего около 3.000.000 человек». «Поэтому-то и просят, что уже многократно делалось,—лицемерно восклицал английский дипломат,—чтобы Турция нашла для армян в какой-либо части своей азиатской территории, в северо-восточных провинциях, либо на юго-восточных границах Киликии и Сирии, центр желаемой ими группировки»⁴¹.

Еще более «показательной» была речь, которую произнес на заседании председатель французской делегации Баррер. «Фран-

ции,—похвастался он,—всегда удавалось сочетать усилия, прилагавшиеся ею в течение веков в целях улучшения положения всех народов Востока с дружеским отношением к Оттоманскому правительству». Призывая затем Турцию оценить должным образом значение национальных меньшинств для экономической жизни страны, Баррер демагогически выдвинул ничего не значащую просьбу, а именно: чтобы «оттоманские подданные армяне, потерпевшие во время войны столь сильный урон и подвергшиеся столь тяжким страданиям, заняли значительное место в наших заботах о справедливом отношении ко всем без различия меньшинствам»⁴² (подчеркнуто мною.—Р. С.). Это и подобные словесные заявления западных дипломатов не могли, конечно, иметь какое-либо воздействие на представителей анкарского правительства. В своем пространным ответном слове Исмет категорически отверг просьбу о предоставлении армянам, насильственно выселенным из родных мест, какого бы то ни было «национального очага», аргументируя свой отказ тем, что это «повлечет за собой расчленение Турции, и что это несовместимо с национальным суверенитетом»⁴³. Более того, он не постеснялся заявить, что «до половины XIX в. армяне жили в Турции мирно и свободно»⁴⁴, и лишь после того, как «Россия... через Эчмиадзинского католикоса подстрекнула армянских интеллигентов России создать противотурецкое движение между их русскими и оттоманскими единоверцами», положение ухудшилось⁴⁵. Кончил Исмет свою по сути дела обвинительную речь изложением официальной турецкой версии: «Ответственность за все бедствия, которым подвергался армянский элемент в Оттоманской империи, падает, таким образом, на него самого, так как правительство и турецкий народ только прибегали, во всех без исключения случаях, к репрессивным мерам или к репрессалиям лишь тогда, когда их терпение истощалось»⁴⁶. И хотя Керзон высмеял аргументацию турецкого делегата, спросив, «как случилось, что три миллиона армян, живших в Малой Азии, уменьшились до 130.000? Покончили ли они самоубийством или добровольно исчезли?», дело дальше этого вопроса не пошло. Правда, в опубликованных за последнее десятилетие новых томах «Документов внешней политики Великобритании» помещена дипломатическая переписка, могущая ввести в заблуждение неискущенного читателя показом «последовательности» Керзона в отстаивании интересов бездомных армян, но все это делалось «для истории», для оправдания себя в глазах будущих поколений⁴⁷. С другой стороны, эти документы вновь выявляют те острые противоречия, которые имелись между двумя бывшими союзницами в их ближневосточной политике. Так, в 18-м томе приводится ответ Керзона на письмо Исмета-паши от 25 декабря 1922 г., которое не публикуется в документе. В

своим ответе Керзон указывает, что он отвечает Исмету не только от своего, но и от имени своих коллег—Баррера и Гаррони, которые отсутствуют. В этом ответе Керзон «обосновывал» необходимость выслушать представителей болгарского правительства и армянской общины, ссылаясь на решение подкомиссии по вопросу меньшинств⁴⁸. В то же время он отмечал, что турецкие представители отказались, не представив никаких доводов.

В своем письме Керзону его заместитель Кроув отмечал в этой связи, что «турецкое упрямство», возможно, является результатом изменения французской позиции и поэтому предлагал поставить перед Францией определенный вопрос: «Присоединяетесь ли Вы к нам, чтобы воспрепятствовать силой турецкому продвижению?». «Если они ответят отрицательно,—продолжал Кроув,—тогда мы должны заявить, что не будем воевать одни и целиком выведем свои войска, даже из района Галиполи»⁴⁹.

Никакие угрозы, однако, не были предъявлены французам, да они и не могли повлиять на позицию турок, весьма ловко и гибко играющих на англо-французских противоречиях.

9 января 1923 г. Керзон сообщал Кроуву, что в ответ на его постановку вопроса об армянских, ассиро-халдейских и болгарских беженцах «Исмет-паша снова категорически отказался даже обсудить идею о национальном очаге для армян или любых других меньшинств...»⁵⁰.

Единственной державой, которая могла выступить с защитой прав национальных меньшинств, была страна Советов, однако западные империалистические державы не допустили ее к участию в обсуждении этого вопроса. В связи с этим, народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин направил председателю международной филармянской лиги Эдуарду Невилю письмо, датированное 26 января 1923 г., в котором говорилось, что на Лозаннской конференции Россия, Украина и Грузия были устранены от обсуждения армянского вопроса, «несмотря на то, что лишь их участие могло действительным образом содействовать благоприятному решению этого вопроса»⁵¹.

А на следующий день, 27 января 1923 г., делегаты трех советских республик направили председателям Лозаннской конференции ноту следующего содержания: «Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на то что она была произвольно устранена от обсуждения почти всех вопросов, рассматривавшихся на конференции, всегда тем не менее полагала, что представляемые ею страны по существу дела могут содействовать действительным образом разрешению этих вопросов. Среди проблем, которые не могли получить разрешения в Лозанне вследствие исключения России и ее союзников, может быть упомянут вопрос о судьбе армянского населения.

Российско-Украинско-Грузинская делегация, несмотря на негодование, вызванное в странах, которые она представляет, вследствие ненормального положения, в которое ее поставили в Лозанне, считает необходимым довести до сведения гг. Председателей конференции, что Правительства России и Украины имеют в виду расселить на своих территориях значительное число армянских беженцев, количество коих должно быть еще определено. Подробности этого вопроса должны быть обсуждены между этими Правительствами, с одной стороны, и ответственными представителями армян—с другой.

Российско-Украинско-Грузинская делегация считает долгом добавить, что она уведомила о вышеизложенном американскую миссию на Лозаннской конференции и другие заинтересованные круги»⁵².

В день временного разрыва переговоров—4 февраля 1923 г.—делегация Великого национального собрания Турции вручила председателям британской, французской и итальянской делегаций на Лозаннской мирной конференции письмо, в котором, в частности, говорилось: «Вопрос о национальных меньшинствах, который является очень важным, особенно для Турции, был решен согласно желанию союзных держав в результате дискуссий, где мы всегда были расположены примирительно»⁵³.

По возобновлении же конференции 23 апреля 1923 г. вопрос о меньшинствах и главным образом о правах изгнанных из своих родных мест армян, дважды поднимался на заседаниях территориально-военной комиссии. 4 июня, при обсуждении параграфа, касающегося возвращения беженцев-армян, вынужденных массами покинуть Турцию в течение 1921—1922 гг., французский делегат генерал Пелле высказался за распространение на них амнистии, указав, в частности, что Сирия дала убежище около 100.000 армян. В ответ на это Исмет повторил турецкую версию о том, что отдельные армяне могут вернуться в Турцию, но «просьба о допущении к возвращению 100.000 армян совершенно меняет вопрос; она имеет прямое отношение к безопасности государства»⁵⁴ (подчеркнуто мною.—Р. С.). На заседании же 17 июля Пелле присоединился к пустому предупреждению своего английского коллеги Горация Рембольда, что в случае отказа Турции принять на своей территории сотни тысяч изгнанных собственных подданных, «на нее обрушится критика всего цивилизованного мира»⁵⁵. При этом он напомнил, что, начиная с 4 июня, он обращал внимание турецкой делегации на положение многочисленных турецких подданных, особенно армян, покинувших свои очаги после вывода из Киликии французских войск⁵⁶. Однако турки, правильно оценив истинный вес словесных упражнений представителей трех союзных держав, заявили устами Исмета-паши,

что «турецкая делегация изложила во время предыдущих собраний свою точку зрения по поводу *армянских эмигрантов* (подчеркнуто мною.—Р. С.). Она полагает, что не представляет интереса вновь возвращаться к этому вопросу»⁵⁷.

Таким образом, рассмотрение вопроса о национальных меньшинствах и, в частности, армянского вопроса, на конференции в Лозанне лишний раз выявило двурушническую и вероломную по отношению к угнетенным народам бывшей Османской империи политику западных империалистических держав, преследовавших в этом торге свои конкретные цели. С другой стороны, именно в Лозанне наиболее ярко проявилась шовинистическая политика Турции по отношению к армянам, грекам, курдам, ассирийцам и другим нетурецким народам, хотя ее представители фарисейски заявляли, что они признают «право на самоопределение *всех* народов, проживающих на земном шаре»⁵⁸ (подчеркнуто мною.—Р. С.).

Говоря о Лозаннской конференции, французский исследователь истории геноцида армян Жан-Мари Карзу совершенно справедливо замечает, что «в Лозанне, и это находится в соответствии с устремлениями Национального пакта января 1920 г., нет ничего для Турецкой Армении. Ничего! Ни независимости, ни мандата, ни национального очага, ни специфического статута, ни автономии; Ничего! Нет даже добрых старых реформ 1914 г. И этот последний международный договор по этому вопросу был составлен точно таким образом, как будто никогда не существовало ни армян, ни Армении к западу от Арарата»⁵⁹.

Турецкая дипломатия взяла верх и при определении прав иностранцев в Турции. Исмет заявил, что «правительство Великого национального собрания Турции в состоянии обеспечить иностранцам все гарантии справедливого правосудия и следить за их претворением в жизнь при полном отправлении своего суверенитета и без всякого иностранного вмешательства. Оно равным образом расположено к тому, чтобы приступить к изучению вопроса для внедрения тех из реформ, которые оправдали бы прогресс нравов и цивилизации»⁶⁰.

В напряженной обстановке, очень остро проходили в Лозанне заседания, где обсуждались вопросы о капитуляциях, Оттоманском долге, финансово-экономические статьи проекта договора. Наиболее заинтересованной из западных стран здесь была Франция, которая насколько легко отказалась от своих обязательств по отношению к христианским народам Турции и, в частности, Киликии, настолько же упорно отстаивала свои привилегии, полученные ею в Османской империи. При этом французское правительство надеялось на частное рассмотрение этих вопросов с турками. Была даже идея отправки в Анкару генерала Пелле в сопровождении одного из финансовых экспертов в Лозанне. Керзон узнал и воспро-

тивился подобному сепаратному шагу французов. Несмотря на это, Бомпар стал добиваться секретных встреч с турками. Однако, как замечает Соннел, «его усилия послужили лишь тому, что они ободрили турок, которые рассчитывали на американскую поддержку в обмен на нефтяные концессии»⁶¹. При обсуждении вопроса о капитуляциях на заседании 2 декабря 1922 г., французский делегат Баррер поддержал предложение Гаррони о замене режима капитуллярной системой гарантий, пытаясь обосновать такое «компромиссное» решение вопроса «выгодностью» привлечения иностранного капитала в Турцию⁶².

В вопросе о капитуляциях турки остались непреклонны, т. е. отказались признать капитуляции в какой бы то ни было форме, а в турецкой прессе началась кампания, направленная против Франции. «Ныне Париж, а не Лондон, является препятствием к миру», — писала «Илери»⁶³.

Особенно сильное противодействие турок вызывали попытки сохранить юридические капитуляции. 16 января Исмет написал Керзону и прибывшему в Лозанну американскому послу в Риме Чайльду, что «Турция никогда не сможет согласиться с юридической системой, отличной от тех, которые находятся в силе в других странах»⁶⁴. В такой же категорической форме ответил полковнику Мужену в Анкаре председатель совета министров Хусейн Рауфбей, который добавил, что «Великое национальное собрание не имеет никакой власти признать юридические капитуляции»⁶⁵.

Сам Кемаль заявил журналистам в Измире, что французские и итальянские делегаты, создавая затруднения в юридических и финансовых капитуляциях, состояются с британской делегацией в действиях, направленных против турецких интересов⁶⁶. Он пригрозил французам турецкой интервенцией в Александrette и стал подстрекать Сирию на борьбу за определение своей собственной судьбы⁶⁷. В период же между возобновлением работы конференции анкарское правительство предприняло ловкий дипломатический ход для «устрашения» французов. 9 апреля 1923 г. Великое национальное собрание Турции приняло решение о предоставлении концессий на строительство железных дорог, портов и на эксплуатацию недр двум заокеанским бизнесменам — американцу Артуру Честеру и канадскому полковнику Клейтону Кеннеди. Этот шаг, явно затрагивавший интересы французских капиталистов в Турции, вызвал страшное недовольство и протесты во Франции. Газета «Матэн» устами известного журналиста Пертинакса выступила с требованием «показать Ангоре, что Франция не боится конфликта и готова принять вызов»⁶⁸. Генерал Пелле заявил, что этим актом прямо нарушаются французские права, завоеванные до войны, но это заявление не произвело никакого эффекта на турок. Последние стали оправдывать свою акцию тем аргументом, что «пред-

оставленные французам концессии не имеют законной силы, так как их условия не были обсуждены с Великим национальным собранием Турции»⁶⁹.

Очень острые споры возникли и при обсуждении вопроса оплаты довоенных долгов и в первую очередь Оттоманского долга. Во всех финансовых статьях договора больше всех была заинтересована Франция, как крупнейшая из всех турецких кредиторов. Финансовая задолженность ей со стороны турецкого правительства в начале 1914 г. составляла 940 млн. золотых франков⁷⁰. При этом французы требовали, чтобы ежегодное погашение производилось не по курсу бумажного франка, а в золотых франках⁷¹. Исет-паша спросил французов: а вы платите золотом проценты по своим долгам? На это последовал ответ, что право Франции вытекает из ее победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побежденной Турции⁷². Этот ответ не имел, однако, никакого воздействия на турок. Исет-паша руководствовался строгими инструкциями из Анкары не соглашаться платить золотом⁷³. «Если бы Турция,— заявил он,—приняла экономические положения договора, как они ныне предложены союзниками, то она была бы поставлена в положение экономического рабства»⁷⁴.

Переговоры зашли в тупик. Французское правительство потребовало от своих представителей убедить делегатов союзных держав представить туркам что-то вроде ультиматума, однако англичане на это не пошли⁷⁵. В конечном счете французы вынуждены были шаг за шагом отступать от своих позиций. «Франция никогда не представляла себе,—писал один из французских журналистов, ранее поддерживающих турок против англичан,—что этот мир может быть заключен за ее счет»⁷⁶.

11 июня Рембольд сообщил Керзону, что его французский коллега передал ему телеграмму своего правительства относительно вопросов, оставшихся еще неразрешенными: французское правительство соглашается сразу же после ратификации Турцией мирного договора начать эвакуацию своих войск, которая завершится в течение двух месяцев. Французы возражают против возвращения «Гёбена» туркам, считая, что такая уступка могла нарушить морской баланс в бассейне Восточного Средиземноморья. Однако если британская делегация готова передать крейсер туркам, они не будут чинить препятствий этому⁷⁷.

При определении границ Сирии с Турцией турецкая делегация согласилась отказаться от своего требования подтвердить в Лозаннском мирном договоре Анкарское соглашение 1921 г. при условии, что французская сторона соответствующей декларацией и сопроводительным письмом подтвердит действительность этого соглашения⁷⁸. Дав согласие на это, Исет потребовал, чтобы сирийская граница определялась в соответствии с первоначальным

текстом союзных держав. Генерал Пелле, возглавлявший французскую делегацию на заключительной стадии второго этапа переговоров в Лозанне, заявил, что, не желая вызвать раздражения турок, французская делегация предлагает отредактировать параграф, касающийся Антиохии и Александретты следующим образом: «Положения настоящей статьи (16-й.—*Р. С.*) не носят в себе посягательства на те частные оговорки, которые внесены и могут быть внесены Турцией и пограничными странами в виду их соседства»⁷³. Турецкая делегация дала согласие на такую формулировку.

Таким образом, при критическом рассмотрении истории франко-турецких дипломатических контактов и конкретных действий этих стран накануне и в ходе Лозаннской мирной конференции 1922—1923 гг. в свете новых документов и фактов, можно сделать некоторые выводы и обобщения.

1. Политика Франции в Лозанне была подчинена по крайней мере двум факторам: 1) ее европейской политике, в аспекте зависимости от своей ближневосточной соперницы Англии в вопросах, касающихся ее взаимоотношений с побежденной, но не сломленной Германией; 2) ее задаче максимального сохранения своих прав и привилегий в рухнувшей Османской империи, восстановления своих экономических и финансовых позиций в этой стране и получения своих долгов.

2. Зависимость Франции от Англии в период Лозаннской конференции настолько возросла в связи с осложнениями, вызванными вводом французских войск в Рурскую область, что французская дипломатия, несмотря на ряд попыток сепаратного сговора с Турцией, в целом потерпела поражение в своем соперничестве с английской дипломатией: поддержав Англию в главных для последней вопросах—Мосульском и Проливах, Франция взамен ничего не получила.

3. Французская дипломатия проиграла и турецкой дипломатии: поддержав тайно и явно Анкару в греко-турецкой войне в надежде на сохранение капитуляций, своих исключительных привилегий и на достижение новых выгодных позиций в послевоенном турецком хозяйстве, Франция «специально» ничего не получила, а потеряла очень много по сравнению с тем, что она имела в Турции до войны.

4. Руководствуясь устремлениями капиталистических монополий, правящие круги Франции, в погоне за компромиссными соглашениями с анкарским правительством, легко и откровенно принесли в жертву этой своей политике интересы угнетенных народов Османской Турции. В Лозанне они окончательно отказались от тех своих письменных обязательств и заверений по отношению к правам национальных меньшинств, которыми они долгие годы обманывали угнетенные народы Империи.

5. Особенно ощутимо сказалась эта политика Франции на судьбе армянского населения Турции, пережившего страшный геноцид 1915 г., в результате которого только в 1915—1922 гг. погибло около 1,5 млн. армян. Надежды оставшихся в живых и вернувшихся в Киликию и другие родные им места армян рухнули в первую очередь из-за коварной политики тогдашних правителей Франции, способствовавшей продолжению кемалистами шовинистической политики младотурок в национальном вопросе. В этой связи профессор А. Н. Мандельштам метко замечает, что одним из пороков Лозаннского договора явилось «отсутствие в нем всяких санкций за акты, направленные против прав человека, совершенные турками в период мировой войны, равно как и отсутствие каких-либо оговорок о восстановлении в правах лиц и о возврате имущества»⁸⁰.

6. При оценке французской политики в Лозанне следует неизменно учитывать ее антисоветский аспект. Наиболее враждебной линии по отношению к Стране Советов в этот период придерживалась именно Франция, которая всячески старалась помешать советско-турецкому сближению. Опасением такого сближения отчасти объясняются те шаги французской дипломатии, которые преследовали цель использовать проимпериалистически настроенные круги турецкой буржуазии для ухудшения советско-турецких отношений.

7. Турецкая дипломатия сумела воспользоваться в своих интересах англо-французскими острыми противоречиями, в частности зависимостью Франции от своей сильной соперницы—Англии, и разрешить в свою пользу наиболее важные вопросы, добившись полной отмены режима капитуляций во всех его проявлениях, отмены финансового и всякого другого контроля со стороны империалистических держав, сохранения государственного суверенитета и фактической целостности территории потерпевшей крах Османской империи, за исключением тех ее частей, которые кемалистская Турция никак не могла отстоять.

8. В Лозаннском договоре нашел свое отражение и успех кемалистской Турции в вопросе определения дальнейшей судьбы угнетенных народов Османской империи. Турция добилась своей заранее поставленной цели—помешать возвращению в страну законных граждан, насильственно изгнанных из своих родных мест, либо вынужденных временно покинуть страну под страхом физического истребления.

9. Несмотря на уступки Турции империалистическим державам в ряде вопросов, в частности в вопросе Проливов, в ущерб интересам черноморских государств, в целом турецкая дипломатия добилась очень крупного успеха в Лозанне. Поэтому нельзя согласиться с мнением тех авторов, которые считают, что Турция вела на Лозаннской конференции ошибочную политику уступок и угодничества перед Англией и Францией.

ՖԻԱՆՍԻԱՆ ՈՒ ԹՈՒՐԳԻԱՆ ԼՈՋԱՆՈՒՄ

(Ղիվանագիտական պատմության շուրջը)

Ա մ փ ո փ ու մ

1922—23 թթ. կայացած Լոզանի կոնֆերանսի մասին ստեղծվել է ղգալի գրականություն ուսերեն, թուրքերեն և արևմտասլավոնական լեզուներով: Սակայն առանձին ուսումնասիրություն առարկա չի դարձել մասնավորապես Ֆրանսիայի քաղաքականությունը: Դա բացատրվում է թերևս սկզբնաղբյուրների պակասով: Միայն վերջին տասնամյակում որոշ պատմաբանների հաջողվեց թափանցել թուրքական ու անգլիական արխիվները և հետաքրքիր փաստաթղթեր հրատարակել: Մյուս կողմից, միայն 70-ական թվականներին հրատարակվեցին «Մեծ Բրիտանիայի արտաքին քաղաքականության փաստաթղթեր» մատենաշարի այն հատորները, որոնք վերաբերում են ուսումնասիրվող ժամանակաշրջանին: Այդ փաստաթղթերի արժեքն ավելի կարևոր է դառնում, եթե նկատի ունենանք, որ ց'այսօր ֆրանսիական և թուրքական Ղիվանագիտական փաստաթղթերը հրատարակված չեն: Սույն հոդվածում վերլուծելով ու քննադատորեն օգտագործելով վերոհիշյալ անգլիական փաստաթղթերը, ինչպես նաև արխիվային նյութեր ու օտարալեզու գրականություն, հեղինակը հանգում է այն եզրակացության, որ Լոզանի կոնֆերանսում Ֆրանսիան, ձգտելով առավելագույն չափով պահպանել իր առանձնահատուկ դիրքն ու շահերը թուրքիայում, այդ նպատակին զոհաբերեց օսմանյան լծի տակ ընկած ժողովուրդների՝ հայերի, հույների, քրդերի, ասորիների և մյուսների արդարացի պահանջները, թեև փոխարենը շատ բան շատացավ: Թուրքական Ղիվանագիտությունը, հմտորեն օգտագործելով անգլո-ֆրանսիական սուր հակասությունները, իր օգտին լուծեց ոչ միայն ազգային, այլև մի շարք կարևոր այլ հարցեր. կապիտոլյացիաների լիակատար վերացում, փլուզված Օսմանյան կայսրության տարածքի առավելագույն պահպանում, սուլթանական պարտքերի վճարման հետաձգում և այլն: Այսպիսով, Լոզանի կոնֆերանսում և նրա «պսակը» հանդիսացող հաշտության պայմանագրում ու Ղիվանագիտական այլ փաստաթղթերում իր արտացոլումը գտավ արևմտյան իմպերիալիստական տերությունների, առաջին հերթին Անգլիայի ու Ֆրանսիայի խարդախ և քեմալական թուրքիայի ազգայնամուլ, այլազգի ժողովուրդների նկատմամբ թշնամական քաղաքականությունը:

- 1 См., например: *A. N. Karacan, Lozan, Istanbul, 1971, S. R. Sonyel, Lozanda Türk diplomatist, „Bellelen“, ocak 1974, cilt 38, № 149; S. R. Sonyel, Turkish Diplomacy 1918—1923. SAGE Publications Ltd. London-Beverly Hills, 1975.*
- 2 Documents on British Foreign Policy 1919—1939 (в дальнейшем-DBFP). Edited by W. M. Medlicott, Douglas Dakin and M. E. Lambert. First Series, volumes XVII—XVIII. London, 1970—1972.
- 3 DBFP, vol. XVII, № 561, p. 660.
- 4 Там же, с. 681.
- 5 DBFP, vol. XVII, № 46, p. 937—938 (Керзон—Гардингу, 29 августа 1922 г.).
- 6 DBFP, vol. XVII, № 750, с. 942—943 (Гардинг—Керзону, 30 августа 1922 г.).
- 7 DBFP, vol. XVIII, № 41, p. 38 (Заметки британского секретаря о совещании между французским председателем совста министров и британским государственным секретарём по иностранным делам в Кэ д' Орсе, 20 сент. 1922 г.).
- 8 Там же, с. 43.
- 9 Там же, с. 43—44.
- 10 DBFP, vol. XVIII, № 64, p. 105 (Рембольд—Керзону, 27 сентября 1922 г.).
- 11 См. там же, с. 106.
- 12 DBFP, vol. XVIII, № 91, p. 140 (Рембольд—Керзону, 5 октября 1922 г.).
- 13 «История дипломатии», т. III, М., 1965, с. 307.
- 14 *S. R. Sonyel*, p. 185.
- 15 Там же, с. 185—186.
- 16 DBFP, vol. XVIII, № 160, p. 236 (Керзон—Гардингу и Грехэму, 7 ноября 1922 г.).
- 17 Там же, № 162, с. 238 (Гардинг—Керзону, 7 ноября 1922 г.).
- 18 *S. R. Sonyel*, p. 190.
- 19 Там же, с. 189.
- 20 Там же.
- 21 DBFP, vol. XVIII, № 209, p. 320, (Керзон—Кроуву, 20 ноября 1922 г.).
- 22 Там же, № 210, с. 322.
- 23 DBFP, vol. XVIII, № 215, p. 325—326 (Керзон—Кроуву, 23 ноября 1922 г.).
- 24 *Sonyel*, p. 195.
- 25 DBFP, vol. XVII, № 273, p. 386 (Керзон—Кроуву, 12 декабря 1922 г.).
- 26 DBFP, vol. XVIII № 257, p. 370—371 (Керзон—Кроуву, 6 декабря 1922 г.).
- 27 *S. R. Sonyel*, p. 195.
- 28 *Г. В. Чичерин*, Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 247.
- 29 DBFP, vol XVIII, № 306, p. 127.
- 30 DBFP, vol. XVIII, № 358, p. 488—489 (Керзон—Линдсею, 1 февраля 1923 г.).

- 31 Там же, с. 489.
- 32 DBFP, vol. XVIII, № 368, p. 501—502.
- 33 Там же.
- 34 *Georges Bonnet*, Ambassadeur de France. Le Quai d'Orsay sous trois Républiques. Paris, 1961, p. 69.
- 35 Там же.
- 36 S. R. *Sonyel*, p. 205.
- 37 Там же.
- 38 ЦГИА Арм. ССР, ф. 430, оп. I, д. 1195, лл. 1—2 (машиннопись, на франц. яз.).
- 39 Полный список см. там же, лл. 2—5.
- 40 Армянский вопрос на Лозаннской конференции. Извлечения из протоколов. Пер. М. Т. с пред. П. Макинциана. Тифлис, 1926, с. 5.
- 41 Там же, с. 6.
- 42 Там же, с. 7.
- 43 DBFP, v. XVIII, № 275, p. 388 (Керзон—Кроуу, 13 декабря 1922 г.).
- 44 Армянский вопрос..., с. 7.
- 45 Там же, с. 8—9.
- 46 Там же, с. 13. Полную речь см. Lausanne Conference on Eastern Affairs. 1922—1923. Records of Proceedings and Draft Terms of Peace. London. 1923, p. 191—201.
- 47 См. DBFP, vol. XVIII, № № 274—275.
- 48 DBFP, vol. XVIII, № 294, p. 416—417 (Керзон—Исмету-паше, 26 декабря 1922 г.).
- 49 DBFP, vol. XVIII, № 295, p. 417 (Кроуу—Керзону, 27 декабря 1922 г.).
- 50 DBFP, vol. XVIII, № 315, p. 436.
- 51 Документы внешней политики СССР, т. VI. М., 1962, с. 165—166.
- 52 Там же, с. 166—167 (копию письма Г. В. Чичерина Эдуарду Невиллю и ноту советских республик на франц. яз. см.: ЦГИА АрмССР, ф. 430, оп. I, д. 578, л. 3—4).
- 53 Conférence de Lausanne ("Livre jaune"). France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques. Tome II, p. 17. Paris, 1923.
- 54 Армянский вопрос..., с. 31.
- 55 Там же, с. 33—34.
- 56 Там же, с. 34.
- 57 Там же, с. 36.
- 58 Atatürkün söylev ve demeçleri, Cilt I, T. B. M. Meclisinde ve C. H. P. Kùltaylarında (1919—1938). Istanbul, 1945, s. 229.
- 59 *Jean-Marie Carzou*. Un Génocide exemplaire. Arménie 1915. Paris, Flammarion 1975. p. 164.
- 60 DBFP, vol. XVII, № 397, p. 644 (Грехэм —Керзону, 14 февр. 1923 г.).
- 61 S. R. *Sonyel*, p. 201—202.
- 62 „Conférence de Lausanne...“, t. I, I, p. 442—444.
- 63 S. R. *Sonyel*, p. 209.
- 64 Там же, с. 203.

- 65 Там же, с. 203—204.
- 66 Atatürk'ün söylev ve demeçleri, II, (1906—1938). İkinci baskı. Türk Tarih kurumu basımevi, Ankara, 1959, s. 81—82.
- 67 S. R. Sonyel, p. 213.
- 68 „Le Matin“, 4. 05. 1923.
- 69 S. R. Sonyel, p. 215.
- 70 Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. Полн. пер. с франц. текста под ред. проф. Ю. В. Ключникова и проф. А. В. Сабанниа. М., 1927, с. XLIV.
- 71 Разница в оплате тем или иным курсом была существенной. Турция ежегодно выплачивала по процентам около 9,5 млн. лир. По бумажному курсу франка эта сумма составляла около 100 млн. франков (в 1922 г. одна бумажная лира равнялась 10,5 бумажных франка), по золотому же курсу франка эта сумма составила бы 220 млн. франков (одна золотая лира равнялась 23 золотым франкам). См. А. М. Шамсутдинов, Национально-освободительная борьба в Турции, 1918—1923 гг., М., 1966, с. 317.
- 72 История дипломатии, т. III, с. 317.
- 73 S. R. Sonyel, p. 219.
- 74 Севрский мирный договор..., с. XLVII.
- 75 S. R. Sonyel, p. 220.
- 76 Цит. по: А. Ф. Миллер, Очерки новейшей истории Турции, М.—Л., 1948, с. 141
- 77 DBFP, vol. XVIII, № 600, p. 851 (Рембольд—Керзону, 11 июня 1923 г.).
- 78 DBFP, vol. XVIII, № 635, p. 898—899, (Рембольд—Керзону, 28 июня 1923 г.).
- 79 Там же, с. 899.
- 80 *André Mandelstam*. La Société des Nations et les Puissances devant le problème Arménien. Deuxième édition. Préface de Edmond Wadim Beyrouth, 1970, p. 298.